

ДНЕВНИК
КАПЫ
ВОЗНЕСЕНСКОЙ

«Январь прошёл у нас не лучше декабря. В январе у нас умерли бабушка Груша, дядя Вася, тётя Шура, Сима и дядя Женя». Пожелтевшая тетрадка в линейку. Неизвестный почерк. Незнакомое имя. История этого дневника - детектив. Весной 2010 года во время капитального ремонта в Петербурге, в квартире на Галерной, 41, на антресолях, между проеденными молью пальто и старых телевизоров были найдены эти записи. «Капитолина Вознесенская» - значилось на первой странице. И это всё, что было известно.

Молодая семья Пестриковых, жильцы квартиры на Галерной, в которой когда-то жил Блок с женой, а потом была коммуналка, в которой постоянно сменялись жильцы, порой забывая свой скарб на общих антресолях, передали находку в небольшое питерское издательство «Красный матрос». Издательство выпустило дневник отдельной книжкой к юбилею снятия блокады.

К тому моменту изыскания в архивах и запросы в МВД не дали никакого результата, и следа автора дневника по-прежнему не было найдено. Но после публикации история Капы, обрывающаяся в 1942-м, начала проясняться.

Через знакомых Капитолины выяснилось, что дневник она начала вести в 14 лет, что пережила блокаду, после войны работала на железной дороге, а до выхода на пенсию - заместителем директора по кадрам «Ленбытхима». Умерла в 1995 году, схоронив за 40 дней до своей смерти единственную дочь и не вынеся этой потери. Муж Капы Вознесенской лишился квартиры и доживал у родных, в коммуналке на Галерной. Вместе с невеликими пожитками он взял с собой и блокадный дневник умершей жены, который после его смерти, видимо, вместе с прочими вещами и переехал на общие антресоли...

1941

24 октября. Сегодня утром мы ходили за хлебом у нас очень холодно еще не топят спасаемся керосинкой. Незнаю чтобы мы стали делать если бы ее не было. Мама мочит горчицу надеясь из нее делать лепешки не знаю что из этого выйдет. После обеда мы пошли к Тете Тоне и она дала нам целую сетку посуды. Дядя Сережа сегодня принес буржуйку а папа целый мешок капустных листьев. Наверное с завтрашнего утра начнут топить. А керосинку Томилины фиги с две получают, пускай тогда отдадут нам кислую капусту. (...)

Без даты... что с ним никогда не бывало потерял хлебные карточки. Свою, мою и Танину и мы теперь живем на 400 грамм хлеба. Спасают сухари, мама вечером дает всем по 5 сухариков (они у нас маленькие нарезанные в форме детских сухарей), и утром когда дядя Сережа и папа уходят, мама дает им по 8 сухарей. Но все мы рады что уехали из того ада, наверное скоро будем эвакуироваться. Дядя Сережа достанет нам отдельную теплушку, и мы уедем куда-нибудь подальше. (...)

5 ноября. Таня ушла как обычно рано в школу, мама в школу, папа и дядя Сережа на работу. Я осталась одна. Прибрала комнату и села читать. Вскоре пришла мама ничего не принесла. Я кончила читать, принялась вышивать. Хочу к завтрашнему дню закончить. Не знаю что выйдет, потом мама вскипятила какао и мы попили его с хлебом с кокосовым маслом. В наш дом сгружают в подвальное помещение продукты для военных, говорят, что нехорошее соседство. Но по моему много не сгрузишь в такое маленькое помещение, да прямо-то вообще не хочется думать об этом. На улице Надеждинской сбросили бомбу в дом, отломилась как раз половина дома, прошло все этажи (дом пятиэтажный). Наверное много жертв.

Вчера-то оказывается в наши корпуса попала бомба но не разорвалась, а тоже много бы бед было.

Папа сегодня с работы принес 7 порций шей, да еще пролил в трамвае на людей, которые к несчастью близко от него были. Сегодня у папы в столовой стибрили 200 гр хлеба и главное под носом лежал он у него. Ну да это хорошо, следующий раз будет умней. Из-за артиллерийского обстрела нам пришлось сидеть в подвале, сидя там мы слышали как завывала сирена. Тревога продолжалась около часа. После отбоя мы пошли домой, попили чаю и легли спать. Вдруг слышу мама меня будит, а я какой-то сон хороший видела, я села на кровать и ничего не соображаю,

потом прислушалась, воеет сирена, тогда я только сообразила что тревога. 15 минут 1-ого тревога кончилась. Мы легли спать и спали спокойно. Сегодня еще приходили Оля, Ляля и Валя. Павловым дали комнату где и Лавыгиным, они уже туда перебрались и уже две недели спят раздетыми (но у них второй этаж а у нас пятый). (...)

9 ноября. Сегодня Таня выходная. Так как в комнате было холодно то мы пили чай в кровати. Мама ушла за водой. (Это очень смешное зрелище: по улицам Ленинграда носятся сердитые граждане кто с ведром, кто с чайником, кто кастрюлей.) Таня встала, а я доканчивала вышивку рубашки. Вскорее пришла мама и нам попало что мы не беремся за уборку. (...) Мы сделали все уроки кроме алгебры. Сели, ничего не хотелось делать. Только хотелось есть. Наконец раздался долгожданный звонок, пришел дядя Сережа. Сегодня у него была неудача, он принес мало супу, но мне хватило. А Таня до того наелась шей что потом не могла нагибаться. Удивительно жадный человек. Сегодня дядя Сережа принес нам с ней по рубашке, она забрала себе сразу две. Дядя Сережа хотел воспротивиться этому, но мама сказала что пускай берет их. И что у нее есть мне на рубашки. Вчера-то оказывается была сброшена затяжная бомба на Коломенской, она-то и взорвалась когда наш дом закачался. Больше не было тревог, спали спокойно. (...)

11 ноября. Рано утром мы с мамой поехали на Васильевский остров зарегистрировать карточки и заодно подать заявление об выписки. Когда мы туда приехали тетя Шура делала котлеты из свинины. У них все есть. Да и еще будет. Такие люди не пропадут. Михаил с нами не разговаривал. Да и мы с ним тоже. Сегодня это говно осмелился поднять руку на Симу и обозвать ее горбатой, это ему даром не пройдет. Вскорее мы оттудова уехали. А Мишка отнял от меня перчатки хотя они ему совсем не нужны.

18 ноября. Вот уж сколько дней я не пишу в дневнике. Не писала я из-за холода. У нас лопнул котел и в комнате стоял жуткий холод. Дядя Сережа ходил ругаться к Кацу (это наш управдом). Не знаю это ли на него подействовало но вот второй день как начали топить, сегодня были такие горячие трубы как никогда. В комнате постепенно нагревается все. Вчера нас залило. Вода лила с потолка ручьем. Мама и Ольга Ивановна черпали воду ведрами и относили в ванную. К нам надвигается беда, кончается капуста. Не знаю, что мы тогда будем есть. Дядя Сережа предложил взять у Томилиных нашу капусту, но мама ни за что на это

не соглашается. Папа так согласен. Но правда это выйдет очень неудобно, недаром говорится в пословице «Серый кот обратно не отдает». (...)

25 ноября. Сегодня у нас произошло событие, которое мы никак не ожидали. Мама сварила супу с овсянкой и поставила его на плиту чтобы он упрел. Через некоторое время суп загустел и мама была очень обрадована, что овсянка так разварилась и что на это пошло мало дров. Посидя немного в комнате, она опять пошла полюбоваться на овсянку. И к ужасу увидела, что половины ее нету. Она сообщила об этом Александре Ивановне и Зинаиде Федоровне. Обе они подразумевают Умрихиных. Мама очень расстроилась потому что у нас очень мало овсянки. И к тому же скоро должны придти дядя Сережа и папа. Но нечего было делать и пришлось ей суп снова варить. Таня сегодня ходила в школу, на уроках присутствовало 12 человек, а вчера было восемь. Какое же теперь учение в голод. (...)

28 ноября. Сегодня уже третий день как мама ничего не варит. У папы опухли ноги. Дядя Сережа сильно похудел. У мамы постоянные головокружения. Я же чувствую смертельную слабость. Когда сегодня были тревоги и нам пришлось сойти в подвал, потому что сильно бомбили, и мы в 5-ом этаже качались как на качелях. Я спустилась туда еще ничего, но оттудова еле-еле поднялась держась за перилы. Когда быстро встанешь то сразу пошатнет и потемнеет в глазах. Немец теперь взялся бомбить днем. Начинает он примерно в 1-ом часу дня и кончает в 5 или в начале 6-ого вечера. Эти дни кроме сегодняшнего мы сидели дома, но сегодня сидеть было невозможно. Но удивительно, нашего аэроплана ни одного не было. Наверное все угнаны на московский фронт. Говорят что это решающие дни. (...)

1 декабря. Вот уже началась зима, а война еще не кончилась. Немец все время бомбит и бьет из орудий по Ленинграду. Сегодня папа не принес конфет а принес только джеджевого супу, да и то сказал что принес он его последний день. На завтра у нас осталась одна кастрюля супу. Вечером не пили чаю, не с чем. Мама хотела попросить в долг сахару у Зинаидушки (она у нас тоже брала), но та расплакалась что у нее нету его, а сама компот варит, что есть приторно. Противная баба. Только и знает что хвастается что очень добрая. Вчера Виктор пошел в очередь за пивом, мама дала ему наши карточки чтобы он заодно получил и нам. Когда он пришел, мы не видели. Вскоре мама спросила Зинаиду, что, принес Виктор пиво? Та возвратила карточки назад с ответом, где

уж ему достать. А на самом деле он достал его. Я когда-нибудь это припомню.

3 декабря. Утром дядя Сережа не пришел, и мама волновалась что с ним. Днем мама подогрела ему супу, но он тоже не пришел, а пришел только часов в 8 вечера и принес мешок капустных листьев и мороженных кочерыжек. Они очень вкусные как сахарные, но очень холодные, так что зубы захватает. Дядя Сережа вчера ничего не ел и питался одними этими кочерыжками, так что они ему опротивели. Паек опять снизили, рабочим урезали крупу на 200 г и мясо, служащим так же. Я думаю, что если это продержится еще неделю, то папа у нас умрет, на него страшно посмотреть, кожа да кости, ходит как тень и качается во все стороны. 3-ий день сидим без чаю, нечего пить. Ну что для него для мужчины 125 грамм хлеба и дрожжевого супа без единой крупинки. Масло кончается. Хорошо что есть капуста. (...)

6 декабря. Декабрь это страшный месяц, потому что 20 декабря умер папа. Мне очень жалко, что я не видела как он умирал. Никак не могу свыкнуться с этим, все думается, что вот вот раздастся звонок. Мне часто он снится во сне. Чтобы я сейчас дала, чтобы он был жив! Карточкой хлебной нам не пришлось попользоваться, потому что когда мама пошла за хлебом рано утром (было еще темно, в магазинах горят коптилки), у нее продавщица их украла. В общем декабрь у нас прошел ужасно.

1942

Январь. Январь прошел у нас не лучше декабря. В январе у нас умерли бабушка Груша, дядя Вася, тетя Шура, Сима и дядя Женя. Январь мы очень голодали. Как раз были очереди за хлебом. Приходилось стоять 6 часов. Мама очень похудела, выглядит что смерть. Недавно мама ушла за хлебом в 7 часов утра и пришла в 6 часов вечера. В магазине ей сделалось плохо, она упала. Не могу передать, что я за это время пережила. Я теперь очень боюсь, когда она далеко уходит. Она очень себя плохо чувствует. Мы ее с Таней никуда не пускаем. В этом месяце никаких нету выдач. А когда они есть, мы с Таней премся на Балтийский в распределитель. Все это кошмар.

Март. В этом месяце у нас чуть не умерла мама, ей все говорили, что она больше пяти дней не проживет. Она шла и падала. Это у нас получилось вот почему. У нас тетя Оля отрезала талон на 500 гр. крупы, и нам не хватило. Я стала ходить в столовую и брать по 5 каш. Конечно мы быстро протряхнулись, и у нас за 10 дней до конца месяца ничего не

осталось. И мы с Таней вынуждены были каждое утро идти на Клинский рынок и покупать маленький кусочек дуранды кокосовой за 60 рублей. Варили днем и вечером бурду, о которой противно вспомнить. Ясно, мамино здоровье подорвалось. Хорошо, что Шумовские достали нам свинины по дорогой цене, этим спасли маму от смерти.

Апрель. В апреле слава богу мы жили хорошо. Мама сперва устроилась на базу сторожем, а потом в магазин. На базе она познакомилась с заведующим, и он ей начал доставать по дорогой цене крупу по 400 руб., а потом по 500 сахар, рис по 650 руб., сгущенного молока по 200 руб., мука по 500 рублей и мясо по 150 руб. Мама поправилась, но сначала все же была очень плоха, так что на работу еле ходила с палочкой, а с работы ездила на санках (я за ней приезжала). Да, чуть не забыла сказать, что я поступила в ремесленное училище, кормят вкусно, но очень маленькие порции. Прямо только цыплятам, но все это не беда. (...)

Июнь. В июне нас отправили с ремесленным на огороды.

30 июня. Разбудили нас в 30 мин. 7-го, позавтракали. Сегодня на завтрак давали колбасу копченую по 25 гр. Плохо только что ее обварили кипятком. Сейчас тороплюсь на ночное дежурство. Завтра буду целый день свободна. Надо еще написать письмо маме в Ленинград. Нас наверное тоже туда скоро отправят. Хочется, но боюсь обстрелов. Там очень жутко. Немец собирается Ленинград брать штурмом, это очень жутко. Севастополь немец штурмует 28-ой день, от него ничего не осталось, но жители пострадали мало, потому что все закопались в землю, там ведь горы. Вообще говорят, в июле должно все решиться.

1 июля. Сегодня утром опять дали колбасу. Вчера я дежурила ночь и поэтому сегодня отдыхаю. Сразу после завтрака нам объявили что 2-го будут обстригать под плешку. У нас конечно все взбунтовались. Ну хорошо, повели нас в парикмахерскую, 3-их девчонок удалось обстричь. А мы убежали, когда пришли в столовую, докторша запретила давать нам (у кого волосы не обстрижены) обед, тогда я не долго думая подвязала голову платком и пошла в столовую. Вышло как будто обстриженная, так и пообедала, а девчонок морили до 6 ч. вечера. После ужина я собрала монетки и обманым путем убежала в Ленинград.

2 июля. Со мной в город убежали: Леда, Нина, Тася и еще несколько девочек с новой группы. Сегодня, когда я пошла за рационом, узнаю, что наше ремесленное эвакуируется в Казань или Куйбышев. Всем обязательно можно взять родителей. Прямо ум за разум заходит. Мама

никуда не хочет двигаться, наши на некоторых участках фронта отступили. Вот тебе и на. (...) Эвакуироваться не буду. Хочу устроиться на работу. (...)

4 июля. Завтра в 3 часа 30 м наше училище уезжает в Куйбышев. Говорят с Московского вокзала и через Москву, но мне что-то не верится, наверное, через Ладогу. Я не еду. Не знаю как я завтра покажусь в училище. Хочу устроиться на работу почтовым агентом. Сегодня наши войска оставили город Севастополь. На Международном продаются духи, небольшой флакон 110 рублей. Сегодня была в санобработке. Там мальчишки моются вместе с девчонками, какое-то безобразие. Выдали нам простынь, майку, трусы, рабочую рубашку и ватное полупальто.

5 июля. Сегодня наше училище уехало. Нас осталось в Ленинграде 5 человек девочек и несколько мальчишек. (...)

11 июля. (...) Получив обед мы неспеша пошли домой, начали подходить к Троицкой церкви, как грохнет снаряд совсем рядом. Потом раз за разом как начали свистеть снаряды. Народ побежал в разные стороны, а я не думая ничего, побежала что дура в сад. Мама мне крикнула, чтобы я бежала в парадную, я бегу, а снаряды все рвутся, а я бегу с супом и с кашей. Наконец добежали до парадной, обстрел продолжался минут 35. Наконец он кончился, и мы быстро пошли домой. Пришли, не успели поесть, как по радио объявляют опять обстрел, а еще пожары не потушили и пахнет порохом от того обстрела. Этот обстрел продолжался наверное 1 ч. 30 м. Что-то немец взялся. Прямо не знаешь, эвакуироваться или нет. Наши сдали г. Россошь. (...)

22 июля. Сегодня я дежурная по кухне, пришлось вставать рано, не охота было. Разбудила меня Дина. Сегодня утром давали кильки по 50 гр. Я их сама вешала. Все эти дни идут дожди, так что мы не ходим на работу. Холод на улице жуткий. Не похоже что лето. Теперь нам мальчишки здешние не дают покою. Всех ремесленников избивают. Мне вчера камнем попало по виску (чуть кровь не пошла) и раз по ноге и по спине кирпичем. Дина, Юрка и Ира собрались в кино, но их не пустили. У нас сегодня пропала корова, точнее убежала от пастухов, и все хозяйственники ее искали. После долгих поисков наконец нашли. За это хозяйственникам дополнительно выдали по 75 гр. хлеба и по 400 гр. горячего молока.

23 июля. (...) Мы сегодня хотели идти в кино, но было очень поздно, и мы немного только прошли по воздуху и вернулись. Одна девочка

привезла из Ленинграда гитару, но очень расстроеную, и мы хотели сходить к мальчишкам попросить, чтобы они ее настроили. Но только мы стали подходить к общежитию, как навстречу идут Мария Андреевна (комендант) и Таранков (военрук), они стали смеяться, что мы с гитарой идем к мальчишкам. Мы повернулись и пошли домой. (...)

27 июля. Когда я утром проснулась, то увидела, что мамы и Тани уже нету. Я еще немного повалялась в кровати, потом встала, вскипятила чай кое-что убрала и как раз мама пришла. Она, оказывается, уже ездила на Лиговку и купила на Кузнечном на 10 рублей сыроежек. Я привезла с огородов 3 картошки, свеклы и турнепсу, мы с мамой залили яйцом и поджарили. Получилось очень вкусное блюдо. Давно я такого не ела. (...)

1 августа. У меня сегодня очень болит горло. И внутри все красное. Ужасно болит. А надо идти на работу, день очень ветренный. До обеда я кое-как поработала, вернее пробузили. Юрка влюблен в Иру до безумия, я думала он ее в поле поцелует. Павлик все чего-то дуется. После обеда мы опять пошли на работу, но мне было очень плохо, и Ира отпустила меня домой. После ужина я пошла с девочками за ягодами, но ни фи́га не нашли, было темно, да и холодно. Видели парашут, наверное, германский. В 10 часов вечера пошли к мальчишкам в общежитие танцевать. Снесли туда патефон. Только растанцевались, вошла комендант. Нам стало неудобно и мы пошли домой. Поздно ночью Герман и Павлик принесли нам патефон. И привели с собой новую девочку, которая теперь будет в нашей группе. Интересно, какой то у нее характер. (...)

5 августа. (...) Мама взяла рацион, сходила в столовую за обедом и вызвала врача. Ждать его пришлось недолго. Вскоре она пришла, но не могла определить болезни, так и ушла, сказав или тиф или колит. Веле-ла есть только сухари, но я пока все ем, и хлеб и селедки. Сойдет.

6 августа. В 6 часов приехала скорая помощь и меня взяли в больницу на Обводном, где я раньше лежала при скарлатине. В боксах мне обстригли наголо волосы (под плешку) и после мытья повели в палату. Палата большая на 52 человека, пока что ничего не разобрала. Тороплюсь спать. (...)

9 августа. Никак не могу дождаться 10 числа. Завтра выхожу домой.

12 августа. Утром, как только ушли Таня и мама, я встала, поела и пошла искать дров. Дров не нашла, устала что собака. Потом пошла в столовую. Вышла там из-за стола не сыта и не голодна, зато купила 4

литра сладкой воды. Придя домой, я сварила суп и вдруг слышу, кричит в окно меня Дина. Я высунулась, оказывается, она зовет меня в кино. Ну в кино дак в кино, я бросила все и понеслась сломя голову, чуть не опоздали. Достали билеты на 6 часов, шел фильм Александр Пархоменко, картина ничего. (...) Когда пришла, мама была уже дома и очень сердитая. Оказывается, пропало много сои. Таня заявила, что у нее пропал кусочек сосиски. Пускай не врет, сама слопала.

13 августа. (...) Завтра пойду покупать босоножки без карточек. Сегодня у нас мировой обед, только поздновато кушали, часов в 11 вечера. Был суп с рисом и с рыбными клецками, на второе голубцы с фаршем из риса и грибов. Ничего что поздно, мимо рта не пронесли.

14 августа. (...) Таня ворона, босоножки оказались по карточкам. Так мне и не удалось купить. Выходя из магазина, я на чем свет стоит ругала Таню. Прямо зло берет. (...)

Наверное в скором времени будет открыт второй фронт. И тогда наша победа. А немцу гроб с музыкой.

21 августа. (...) Дома я принялась за уборку. Акуратная девочка только в 5 часов принялась за уборку. Главное, это вода, ведь не шутка в 5 этаж тащить ведро воды. После уборки стала петь песни, потом заболела горло и сольное представление пришлось окончить. Я легла и стала читать роман Фибиха «Насущный хлеб». Скоро пришла Таня, а затем мама. Она принесла хряпы и кормовой свеклы. Я приготовила обед и поставила на чугунку - а Таня стала растоплять ее. Маму вызвали в военкомат, теперь она военнообязанная - боец. Скоро и мне пришлют. Теперь у нас в Ленинграде все женщины бойцы от 14 до 60 лет. Все получили военные билеты. Дела на Ленинградском фронте идут прекрасно - заняли два населенных пункта и важный узел обороны пункт «11». Может, скоро поедem в Лугу? Вот было бы замечательно.